

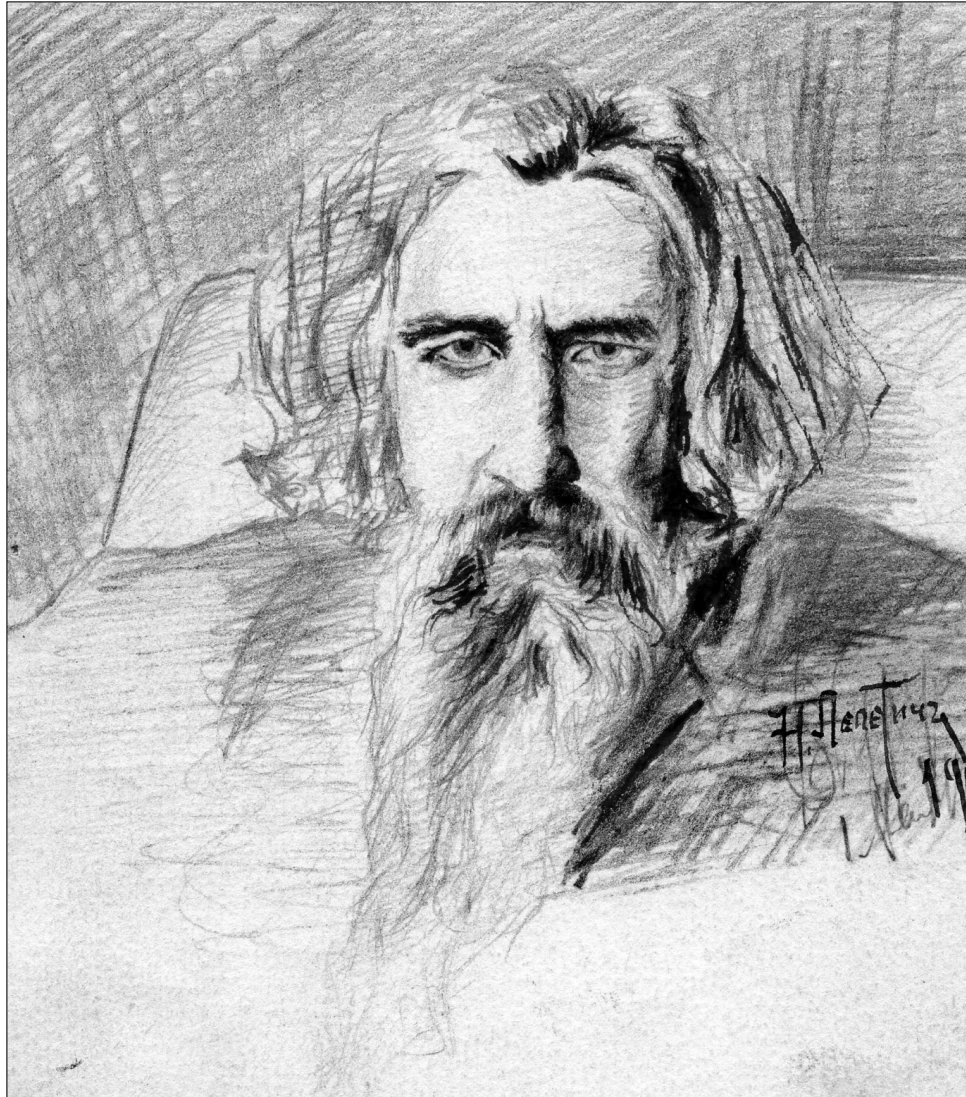
Ольга БАРКОВСКАЯ

Художник и поэт Николай Лепетич

В ушедшем году на фоне других событий незаметно промелькнул 150-летний юбилей прекрасного акварелиста и рисовальщика Николая Николаевича Лепетича (1866 — 1922). Вся жизнь его прошла на юге, в Одессе и Николаеве. Соученик Евгения Буковецкого и Петра Нилуса по одесскому реальному училищу им. Св. Павла и рисовальной школе, он до конца дней оставался верен этой юношеской дружбе. С 1893 года Лепетич — член Товарищества южнорусских художников и участник почти всех выставок; показывал он работы и на весенних выставках Академии художеств (где проучился всего два года), выставках акварелистов в Санкт-Петербурге, Москве, за рубежом. "Это превосходный жанрист, наблюдательный, остроумный и живой", — отмечали "Одесские новости" (1912. 5/18 окт.). Его небольшие картинки нравились, их хорошо покупали, но широкая известность к нему так и не пришла. Возможно, мешали однообразие, обыденность и излишняя камерность сюжетов: "Он, бесспорно, талантлив, но весь ушел в изображение типичных картинок провинции. И мастерски изображает их, но все его вещи так похожи друг на друга, как сама жизнь глухих провинциальных углов... У художника зоркий и внимательный глаз, нежные краски, и мы вправе ждать от него дальнейших достижений в живописи", — писал одесский критик И. Златогоров ("Юж. мысль". 1916. 7 дек.).

Много лет Лепетич тесно сотрудничал с прессой. Во время учебы в Петербурге подрабатывал карикатуристом в юмористическом журнале "Шут", позже работал как рисовальщик в одесских и николаевских изданиях, а с 1910-х время от времени стал публиковать стихотворные опыты. "У нашего одесского художника Н. Лепетича проснулся поэтический дар. В некоторых газетах прошлого года, а сейчас в № 6 "Современника" встречаем его стихи", — отмечал "Одесский понедельник" (1913. 5 авг.). Думается, здесь не обошлось без влияния еще одного друга — Ивана Бунина, которому, кстати, Лепетич отсылал на суд все свои поэтические пробы. И гордился каждым словом похвалы этого сурового критика. В.Н. Муромцева-Булнина вспоминала в "Беседах с памятью": "Очень веселый, говорящий сладкой скороговоркой, держащий себя, как школьник, он все время подшучивал и острлил то над собой, то над приятелями. Все делал талантливо; кажется, художник он одаренный, но беспутный. Пробовал писать стихи. Яну порой удавалось некоторые из них печатать". Появление на страницах столичного "Современника" стихотворения Лепетича "Апрель" — без сомнения, протекция Бунина.

1918 — 1922 годы Лепетич провел в Николаеве — трудное голодное время. "Он работал, рисовал агитплакаты. А потом кончилось одно из отделений великого концерта революции. Новые звуки... Агитплакаты не нужны... Наступил голод... Лепетич умер" ("Зритель". 1922. № 2). Наверное, лучшую эпитафию Лепетичу оставил Нилус в письме к Буковецкому: "L'homme fils, бедный Коля, какую жестокую шутку сыграла с ним жизнь! Умереть голодной и холодной смертью тому, кто так любил и ценил жизнь, как никто из нас. Не потому ли его так же жаль, как жаль беспомощного умирающего ребенка...".

В ДОРОГЕ

Светает. Дождь. Вдали дымит завод.
От стрелки — в длинный ряд вагоны стали.
Клубится пар. Моста темнеет свод.
За насыпью — полей осенних дали.
Тоска. Один на станции глухой
Сижу в ненастный серый понедельник.
В окне рассвет, кой-где огни, унылый ельник.
И гуси белым стадом за рекой.

В ИЮЛЕ

Недвижно на речке понурое стадо,
В тени от акаций ноет комар,
Еврейка качает сонливое чадо,
И дремлет на лавочке старый корчмарь.

В дорожной пыли и почтарь, и возница;
Свернули к оврагу — и стал тарантас.
Болтом на шесте заскрипела криница,
И лентой хрустальной вода полилась.

Томимые зноем, и жадой, и зудом,
Пьют кони устало. Звенят удила.

Назойливо вьются слепни у седла,
И крупные мухи блестят изумрудом.

ТИХАЯ НОЧЬ

Месяц льет серебро над водой,
Где кремнистый по берегу скат,
Набегает вечерний прибой,
И ракушки дремотно шуршат.

Далеко одиноким огнем
Светит в сумраке дачный балкон.
Над сиренью, над сизым кустом
За оградой вспорхнул махаон.

Сладко сердцу в ночи отдохнуть.
Светел трепетный звездный приют.
Над пустынею вод — Млечный путь.
Тишина. Где-то в море поют.

БРАДОБРЕЙ

Облака. Дальний звон. Сквозь узор занавесок
Греет вешним лучом. Канарейка поет.

Перед зеркалом я. Брадобрей мой дремотно
Без конца что-то мне говорит — и стрижет.

Клонит в сон...

Как мираж — сумрак детской, лампадка,
Даль утраченных лет, Маин-Рида пора,
Первых чувств и любви первый сон —
все воскресло...
И как будто все было — недавно, вчера.

Звонко ножницы так же стучат,
как и в детстве,
Канарейка поет — и окно в голубом...
Только жизнь, вся-то жизнь
позади уж осталась,
И блестят волоса на полу серебром...

СУМЕРКИ

Дождь перестал. Над низкой балкой
Дымит обрывком туч гряда.
Вдоль рельс, под насыпью — в канавах
Мерцает мутная вода.

С намокших бричек у перрона
Возницы жмутся под забор.
Далеко, в небе догоревшем
Зажегся красный семафор.

Омытым блеском месяц светит
И серебрит издалека —
Потемки луж, каменоломню,
Польны в степи и облака.

ВЕРБЛЮД

В зверинце в праздник гром органа,
И рев, и гомон, как в аду.
Толпа у клетки павиана,
И крик, и хохот какаду.
А там, за красной загородкой —
Горбы верблюда. По верхам
Скользит он взором с грустью кроткой,
Немой и непонятной нам.
Ладыя пустынь, библейский путник,
Волхов брадатых древний спутник —
Я в снах Востока пред тобой.
Какой встает загадкой странной
Здесь, в обстановке балаганной,
Ветхозаветный образ твой!

НА ЯРМАРКЕ

Народ. На ярмарке, за каланчой,
Гудит оркестр армейских музыкантов.
Платков и лент, монист и ярких бантов
Плывет цветник в ряд с пестрою толпой.

Усленья утро блещет бирюзой.
У карусели сбор бабья и франтов.
Божба и торг у кож, сапог и рантов.
Пылят малышки вскачь за саранчой...

А на плацу, за старою канавой,
Перед купцом — цыган, посадкой бравой
Под иноходь гарцует напоказ.

И лих своей курчавой шевелюрой,
"Пади!" — кричит он нищенке понурой,
Прищурил к девкам черный глаз!..

("Современник". СПб., 1913. Кн. 6, июнь. С. 24.)

Евгений ДЕМЕНОК

Глаголом жечь, наречием гасить

Триумф новых средств коммуникации. Женились в "Скайпе", медовый месяц провели в "Вайбере", развелись в "Вотсапе". В результате никто не пострадал.

Верхи не могут, низы не хотят. "Камасутра" революционера.

Подумалось вдруг — как бы выглядела "Ромео и Джульетта", если бы Монтеки и Капулетти были приличными еврейскими семьями?

Жить стало не лучше, но веселее!

Новое слово придумал. Черноротенцы.

"Чай, кофе, потанцуем?" "Только потанцуем".

В Венецию со своей гондолой не ездят.

"Советское шаманское".

Тема диссертации: "Профессиональная деформация подошвы правого ботинка у водителей".

Добрался ли Санта-Клаус до Санта-Барбары?

— Кого у нас только не было! У нас и сейчас никого нет.

Весь мир — иллюзия. Какая, к чёрту, осознанность?

Глубоко внутри каждого из нас идёт непримиримая борьба между женщиной с пустым ведром и мужчиной с полным.

Одесский институт инженеров человеческих душ.

Как говорил классик, "другого народа у меня для вас нет, но шо с этим делать, непонятно".

"Снегурочка под снегом". Торт.

Перекинь населения.

Неожиданный кульбит. Евгений Онегин, будучи на гастролях с одноименной оперой в Праге, в антракте был замечен в буфете концертного зала "Рудольфинум". По свидетельствам очевидцев, он поедал бутерброды с тюлькой и требовал форшмак. "Видимо, этот Онегин не из Северной Пальмиры, а из Южной", — шептались в курилке зрители.

Может ли экономика отбрасывать тень?

Одесситки настолько прекрасны, что... сейчас уже доказано — Елена Прекрасная тоже была одесситкой.

Развалины одесских домов прекраснее и величественнее любого из чудес света,

но одесситы это не афишируют, чтобы толпы бесчинствующих туристов ещё больше их не развалили.

Каждый одессит с детства играет на скрипке, даже если он никогда этому не учился и у него нет скрипки.

В Одессе не принято знакомиться. Считается, что все и так уже друг с другом знакомы.

Я постоянно удивляюсь тому, что давно уже ничему не удивляюсь.

В чём опасность нашей жизни? Никогда ведь не угадаешь, когда именно наткнёшься на приличного человека.

Думаю о том, что первично: жизнь портит людей, или люди портят жизнь?

Футбольные команды "Красноморец", "Желтоморец", "Беломорец".

Одеялисты — люди, тянущие одеяло на себя.

А ведь если совместить биллион и миллиард, получится как раз биллиард.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Марзалиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.